

Новосибирская областная
юношеская библиотека

ГБУК НСО «Новосибирская областная юношеская библиотека»

На подступах к Победе

Литературно-мемуарный коллаж

75
ПОБЕДА!
1945 - 2020

Новосибирск, 2020

ББК 63.3(2)622

Н-120

Составитель:

Ковалева О.В.

Технический редактор:

Доценко А.В.

Ответственный за выпуск:

Терентьева Т.Н.

Н-120 На подступах к Победе: литературно-мемуарный коллаж / ГБУК НСО НОЮБ; сост. О.В. Ковалева. – Новосибирск: ГБУК НСО НОЮБ, 2020. – 27 с.

Детали завершающего этапа войны – преддверия Победы, подробно освещены в документальной, исторической, мемуарной, художественной литературе. Знакомство с ней позволяет не только представить всю канву событий, конкретные детали, но и почувствовать эмоциональное состояние людей, прошедших пол-Европы, чтобы разгромить врага в его логове. Представленные отрывки из произведений выдающихся полководцев и писателей – хорошая основа для литературных композиций, занятий исторического клуба, они помогут увидеть всю картину последних дней Великой Отечественной войны.

Издание предназначено для специалистов, работающих с молодежью.

ББК 63.3(2)622

© Новосибирская областная юношеская библиотека, 2020

Гитлеровцы рассчитывали, что им хватит шести недель для порабощения России. Не хватило ни этих недель, ни месяцев, ни четырех долгих лет.

Детали завершающего этапа войны – преддверия Победы, подробно освещены в документальной, исторической, мемуарной, художественной литературе. Знакомство с ней позволяет не только представить всю канву событий, конкретные детали, но и почувствовать эмоциональное состояние людей, прошедших пол-Европы, чтобы разгромить врага в его логове. Представленные отрывки из произведений выдающихся полководцев и писателей – хорошая основа для литературных композиций, занятий исторического клуба, они помогут увидеть всю картину последних дней войны.

На подступах к Победе **Литературно-мемуарный коллаж**

ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

...Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие.

Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за Родину, за честь, за свободу.

...Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Маргарита Алигер

*Когда страна узнала о войне,
в тот первый день, в сумятице и бреде,
я помню, я подумала о дне,
когда страна узнает о победе.*

Первое в русской литературе употребление словосочетания «День Победы» появилось в ходе битвы за Москву, спустя неделю после того, как Красная Армия впервые перешла к решительному контрнаступлению. 12 декабря 1941 года в статье писателя **Ильи Эренбурга «Судьба Победы»**, опубликованной в газете «Московский железнодорожник» и посвященной труженикам стальных магистралей, в частности, говорилось: «Железные дороги — сосуды, по ним течет кровь страны: снаряды и хлеб, бомбы и нефть. С доверием смотрит Красная Армия на железнодорожников: это братья по оружию — один стреляет, другой подает патроны. Наши железнодорожники показали себя отважными бойцами. Наряду с летчиками, танкистами, артиллеристами, моряками они делают все для Победы. Я видел в Брянске, как работали железнодорожники под огнем. Падали бомбы, но смелые люди спокойно отцепляли вагоны с боеприпасами... Когда настанет День Победы, наши бойцы первые вспомнят о железнодорожниках...»

Судьба войны решается на полях сражений, а советско-германский фронт не имел себе равных по масштабам, активности, продолжительности и результатам военных действий. С самого начала своего существования он занял центральное место во Второй мировой войне. Нападение Германии на СССР в 1941 году в корне изменило расстановку и соотношение сил и, в целом, военно-политическую обстановку в мире. Никогда ранее в истории войн агрессор не создавал столь мощной ударной группировки вооруженных сил.

В течение длительного времени Вооруженные силы СССР вели фактическое единоборство с гигантской военной машиной нацистской Германии. Историческая истина состоит в том, что именно советский народ, его армия, неся огромные потери, преградили путь германскому фашизму к мировому господству. В годы войны несли большие невосполнимые утраты все народы Советского Союза. Но потери граждан самой России при этом составили 71,3 процента от общих потерь.

Вся страна поднялась на борьбу с врагом. Армия оказывала ожесточенное сопротивление агрессору. Мирное население выходило на строительство и укрепление защитных сооружений городов и поселков. В тылу женщины и дети на рабочих местах заменили ушедших на фронт мужчин. Круглосуточно трудились они на заводах, фабриках, полях и фермах, чтобы обеспечить фронт боеприпасами, военной техникой, обмундированием, продуктами питания. В тылу врага создавались партизанские отряды, которые наносили ощутимые удары по фашистам: уничтожали вражескую технику, военные гарнизоны, запасы горючего и провианта.

Упорное сопротивление Красной армии стало для народов всего мира примером стойкости и мужества, основой для объединения их усилий в борьбе против фашизма, залогом будущей победы.

Помимо своей страны, советские войска освободили полностью или частично 13 стран Европы и Азии. Освободительная миссия за пределами нашей родины стоила жизни более чем миллиону советских солдат, покоящихся в землях Польши (более 600 тыс.), Венгрии (140 тыс.), Чехии и Словакии (около 140 тыс.), Германии (почти 102 тыс.), Румынии (около 69 тыс.), Австрии (26 тыс.), Китая (около 9,3 тыс.), Югославии (около 8 тыс.), Норвегии (3,4 тыс.), Болгарии (977 чел.), Северной Кореи (691 чел.).

Развязанная гитлеровцами Вторая мировая война обернулась людской трагедией и для самой Германии. Только на советско-германском фронте безвозвратные потери Германии составили 7 млн. 181 тыс. военнослужащих, а вместе с союзниками — 8 млн. 649 тыс. человек.

Победа в Великой Отечественной войне – общий, всенародный подвиг, свершенный во имя будущих поколений. И начало этот подвиг берет у стен Брестской крепости. Затем были Москва, Сталинград, Курск...

***

17 июля 1944 года, Москва. Жарким днем в понедельник москвичи стали свидетелями необыкновенного зрелища – шествия растянувшейся на километры процессии из сотен колонн немецких военнопленных. 57 640 солдат и офицеров – часть той армии, что планировала взятие Москвы осенью 1941-го, все-таки прошла по городу.

В. Вин «Парад Победы в сорок пятом»

*В конце войны колонны пленных
Конвой провел через Москву.
Осталось в хрониках военных
Все то, что было наяву.
И боль, и ненависть, и жалость
Читалась в лицах москвичей.
Весь мир увидел, что осталось,
От тех кровавых палачей.*

Марш побежденных стал эффектным и наглядным доказательством впечатляющих успехов Красной Армии в ходе операции «Багратион» летом

1944 года. Операция «Багратион» стала крупнейшим поражением в немецкой военной истории, приведя к освобождению Белоруссии, части Прибалтики и Восточной Польши, срочной переброске резервов и частей вермахта с других участков Восточного фронта и из Западной Европы с последующим ослаблением позиций немцев на них. Потери немцев, по разным оценкам, составили от 400 до 500 тысяч человек, причем большая их часть погибла или попала в плен. Попали в плен, погибли или покончили самоубийством более 30 генералов группы армий «Центр».

Мало кто даже из организаторов операции рассчитывал на столь ошеломляющий и стремительный успех. Но победные салюты и выставки трофейного вооружения советские люди уже видели. Хотелось более зримого подтверждения грандиозной победы. До сих пор не выявлено, кто из советских руководителей выдвинул инициативу проконвоировать пленных через Москву. Хотя подобные шествия не были редкостью в истории войн XX века. В Первую мировую пленных русских солдат проводили по улицам Кенигсберга; в свою очередь, свидетелями маршей австрийских и немецких военнопленных были Москва и Петроград.

Движение колонн военнопленных, выстроенных по фронту 20 человек, с Московского ипподрома началось ровно в 11 часов утра. Перед этим пленным подвезли воду, чтобы утолить жажду, и неплохо накормили.

Впереди шли генералы. Немецкие генералы живут дольше немецких солдат, поэтому не исключено, что некоторые из них торжественно маршировали на берлинской площади в качестве покорителей Европы. На московских улицах «покорители Европы» выглядели очень неважно. Генералы гитлеровских кровавых банд, они никогда не имели воинской чести, и им нечего было терять. Палачи народов оккупированных территорий, они, вероятно, даже приблизительно не знали, что такое совесть. Но даже им, этим гитлеровским зубрам, было явно не по себе, когда они проходили сквозь строй молчаливых, гневных, ненавидящих взглядов москвичей, стоявших бесконечными сплошными шеренгами на тротуарах.

За генералами шли колонны офицеров. Огромные сплошные колонны. Грязные, оборванные, небритые и немытые, они напоминали скорее скопище бродяг, нежели офицеров регулярной армии. Им оставили их мундиры, их знаки различия, их ордена. Но и все это не делало их похожими на офицеров. Что же говорить о солдатах, потерявших в дни драпа по Белоруссии всякий человеческий облик?

Среди пленных немало солдат, стоявших под Москвой осенью 1941 года, в частности из одной эсесовской части, за время войны четырежды разбитой. Тогда, осенью 1941 года, немцы видели Москву в бинокли и уже считали ее своей. Понятно, какое удовлетворение доставляет вид плененных врагов москвичам, из которых многие украшены медалями «За оборону Москвы».

Сотни, тысячи москвичей стояли на тротуарах, на балконах, в карнизах окон, в трамваях и троллейбусах и даже на крышах трамваев и троллейбусов, наблюдая прохождение пленных. Они молча смотрели на это бесконечное шествие убийц, бандитов, грабителей, насильников и жуликов. Москвичи были исключительно дисциплинированы. Взгляды их были полны ненависти, которая, как казалось, могла испепелить, но лишь изредка слышались в толпе выкрики.

На улице Горького пленные с нескрываемым изумлением глазят на огромные прекрасные дома. Москва-то, оказывается, цела! А им говорили, что она в развалинах.

Одна из колонн повернула на Крымский мост. Путь ее лежал мимо выставки трофейного вооружения. Шепот прошел по колоннам пленных. Пленный враг встретился со своей, тоже плененной, техникой.

Шествие подходило к концу, когда люди, стоявшие на тротуаре, вдруг засмеялись. Послышались громкие восклицания: «Правильно! Карболкой бы! Давай чисть как следует, дружок!» По улице шли моечные автомобили с брандспойтами, со щетками, упругими струями воды смывая грязь, оставленную немцами.

Как докладывал о результатах конвоирования Берия, «по прибытии к пунктам погрузки военнопленные немедленно погружались в железнодорожные эшелоны для отправки в лагеря военнопленных. К 19 часам все 25 эшелонов военнопленных были погружены в вагоны и отправлены к местам назначения».

Никаких серьезных эксцессов по ходу шествия не произошло. Гневные выкрики, редкие случаи забрасывания камнями, саркастические комментарии, но больше – молчание и презрение во взглядах.

Марши немецких военнопленных проводились в различных освобожденных Красной армией городах. Но самым масштабным он был в непокоренной Москве.

Демьян Бедный

*Страшнее нет суда...
Вчера мы видели бандитов, кровопийц,
Растлителей, детоубийц,
Людского всякого лишившихся подобья,
Дегенератов злых, глядящих исподлобья.
Вот звери, что рвались к Москве, к ее венцу,
Трофеев жажда богатых! –
Их по Садовому кольцу
Вели оборванных, немытых и лохматых.
Держа детишек на плечах,
Глядели москвичи на это продвижение,
Сурово было их молчанье, в их очах
Сверкали ненависть и гордое презренье!
Все, все преступники возмездье понесут.
Но таковы их преступления,
Что нет забвенья им и нет им искупленья!
Страшнее нет суда, чем суд,
Переходящий в поколения!*

(18 июля 1944 года, «Правда»)

24 сентября 1944 года, Новосибирск. Многотысячный митинг, посвященный проводам на фронт первого в стране трижды Героя Советского Союза Александра Ивановича Покрышкина. Александр Иванович на несколько дней приезжал в родной город. Его буквально носили на руках, им восхищались, гордились. Он вселял надежду, он убеждал своими ратными подвигами: враг будет разбит. Об этом же говорил Александр Иванович на митинге, отправляясь на фронт: «Наша победа близка. И скоро, товарищи, на этой площади мы соберемся отпраздновать день нашей окончательной победы».

Но впереди еще было много сражений и потерь...

Леонид Решетников «Весна Победы»

*Пускай ревут в полях орудья
И вверх летит с землею дым,
Но будет час – он скоро будет! –
Когда мы пушки зачехлим.*

(Апрель 1945, Восточная Пруссия)

1 апреля 1945 года премьер-министр Англии **У. Черчилль** направил президенту США Ф. Рузвельту послание, в котором высказывались такие соображения: «Ничто не окажет такого психологического воздействия и не вызовет такого отчаяния среди всех германских сил сопротивления, как падение Берлина. Для германского народа это будет самым убедительным признаком поражения. С другой стороны, если предоставить лежащему в руинах Берлину выдерживать осаду русских, то следует учесть, что до тех пор, пока там будет развеваться германский флаг, Берлин будет вдохновлять сопротивление всех находящихся под ружьем немцев.

Кроме того, существует еще одна сторона дела, которую вам и мне следовало бы рассмотреть. Русские армии, несомненно, захватят всю Австрию и войдут в Вену. Если они захватят также Берлин, то не создастся ли у них слишком преувеличенное представление о том, будто они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу, и не может ли это привести к такому умонастроению, которое вызовет серьезные и весьма значительные трудности в будущем? Поэтому я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германию как можно дальше на восток и что в том случае, если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы, несомненно, должны его взять. Это кажется разумным и с военной точки зрения».

Иван Степанович Конев, Маршал Советского Союза

«Сорок пятый» (Берлинская операция):

«Первого апреля 1945 года в Москву в Ставку Верховного Главнокомандования были вызваны командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Г.К. Жуков и я. Сталин принял нас, как обычно, в Кремле, в своем большом кабинете с длинным столом и портретами Суворова и Кутузова на стене. Кроме И.В. Сталина присутствовали члены Государственного Комитета Обороны, начальник Генерального штаба А.И. Антонов и начальник Главного оперативного управления С.М. Штеменко.

Едва мы успели поздороваться, Сталин задал вопрос:

— Известно ли вам, как складывается обстановка?

Мы с Жуковым ответили, что по тем данным, которыми располагаем у себя на фронтах, обстановка нам известна. Сталин повернулся к Штеменко и сказал ему:

— Прочтите им телеграмму.

Штеменко прочел вслух телеграмму, существо которой вкратце сводилось к следующему: англо-американское командование готовит операцию по захвату Берлина, ставя задачу захватить его раньше Советской Армии. Основная группировка создается под командованием фельдмаршала Монтгомери. Направление главного удара планируется севернее Рура, по кратчайшему пути, который отделяет от Берлина основную группировку английских войск. В телеграмме перечислялся целый ряд предварительных мероприятий, которые проводились союзным командованием: создание группировки, стягивание войск. Телеграмма заканчивалась тем, что, по всем данным, план взятия Берлина раньше Советской Армии рассматривается в штабе союзников как вполне реальный и подготовка к его выполнению идет вовсю.

После того как Штеменко дочитал до конца телеграмму, Сталин обратился к Жукову и ко мне:

— Так кто же будет брать Берлин, мы или союзники?

Так вышло: первому на этот вопрос пришлось отвечать мне, и я ответил:

— Берлин будем брать мы, и возьмем его раньше союзников.

— Вон какой вы, — слегка усмехнувшись, сказал Сталин и сразу в упор задал мне вопрос по существу:

— А как вы сумеете создать для этого группировку? У вас главные силы находятся на вашем южном фланге, и вам, по-видимому, придется производить большую перегруппировку.

Я ответил на это:

— Товарищ Сталин, можете быть спокойны: фронт проведет все необходимые мероприятия, и группировка для наступления на берлинском направлении будет создана нами своевременно.

Вторым отвечал Жуков. Он доложил, что войска готовы взять Берлин. 1-й Белорусский фронт, густо насыщенный войсками и техникой, был к тому времени прямо нацелен на Берлин, и притом с кратчайшего расстояния.

Выслушав нас, Сталин сказал:

— Хорошо. Необходимо вам обоим здесь, прямо в Москве, в Генштабе, подготовить свои планы и по мере готовности, через сутки-двое, доложить о них Ставке, чтобы вернуться к себе на фронты с уже утвержденными планами на руках. — Верховный Главнокомандующий предупредил, что Берлин надо взять в кратчайший срок, поэтому время на подготовку операции весьма ограничено.

Мы работали немногим более суток. Все основные соображения, связанные с предстоящей операцией, у Жукова, как у командующего 1-м Белорусским фронтом, были уже готовы. У меня тоже ко времени вызова в Ставку сложилось представление о том, как перегруппировать войска 1-го Украинского фронта с южного на берлинское направление и спланировать операцию.

Работали мы в Генштабе над своими планами каждый отдельно, но некоторые возникавшие и требовавшие согласования вопросы обсуждали вместе с руководящими работниками Генштаба. Речь шла, разумеется, не о деталях, а о вещах сугубо принципиальных: об основных направлениях, о планировании операции во времени и о сроке ее начала. Срок начала операции нас особенно беспокоил.

Вопрос Сталина, кто будет брать Берлин, телеграмма о том, что у союзников полным ходом идет подготовка к Берлинской операции, подсказывали: сроки готовности к операции надо максимально приблизить. Главная группировка 1-го Белорусского фронта была уже в основном готова и нацелена на противника, а у меня дело пока обстояло сложнее. После только что закончившейся Верхне-Силезской операции значительная часть наших сил все еще была стянута к левому флангу фронта. Требовались срочные и усиленные переброски.

2 апреля утром мы явились в Ставку с готовыми для доклада планами. Начальник Генерального штаба А.И. Антонов доложил общий план Берлинской операции.

После этого был рассмотрен план 1-го Белорусского фронта. Никаких существенных замечаний Сталин не высказал. Потом я доложил план операции 1-го Украинского фронта; по нему тоже не было особых замечаний.

Очень внимательно обсудили и сроки начала операции. Я, со своей стороны, предлагал срок максимально жесткий для нашего фронта, с учетом того, что нам предстояло совершать большие перегруппировки.

Сталин согласился с этим сроком. Выдвигая свои предложения, я просил Ставку выделить 1-му Украинскому фронту дополнительные резервы для развития операции в глубину. Сталин ответил утвердительно и сказал:

— В связи с тем, что в Прибалтике и Восточной Пруссии фронты начинают сокращаться, могу вам выделить две армии за счет прибалтийских фронтов: двадцать восьмую и тридцать первую.

25 апреля в Берлине шли ожесточенные бои. К исходу дня армия Чуйкова уже сражалась в юго-восточных кварталах центральной части Берлина, а в

районе Мариендорфа соединилась своим левым флангом с армией Рыбалко. Рыбалко, усиленный тремя дивизиями армии Лучинского, очистил от противника юго-западные пригороды Берлина и теперь вел бои за пригород Шмаргендорф, наступая навстречу 2-й гвардейской танковой армии генерала Богданова. Лелюшенко продолжал воевать за Потсдам и Бранденбург».

Как мы видим, день 25 апреля был полон крупных событий. Но самое крупное из них произошло не в Берлине, а на Эльбе, в 5-й гвардейской армии генерала Жадова, где 34-й гвардейский корпус генерала Бакланова встретился с американскими войсками. Именно здесь, в центре Германии, гитлеровская армия оказалась окончательно рассеченной пополам.

Из переписки Председателя Совета Министров СССР и президента США

№299. Получено 25 апреля 1945 года.

МАРШАЛУ СТАЛИНУ ОТ ПРЕЗИДЕНТА ЛИЧНО И ВЕСЬМА СЕКРЕТНО

«Англо-американские армии под командованием генерала Эйзенхауэра встретились с советскими войсками там, где они предполагали встретиться, — в сердце нацистской Германии. Силы врага разрезаны на две части. Это еще не час окончательной победы в Европе, но этот час приближается, час, ради наступления которого так долго трудились и о чем молились весь американский народ, все британские народы и весь советский народ.

Соединение нашего оружия в сердце Германии имеет для всего мира значение, которое не останется не замеченным им. Оно означает, во-первых, что последняя слабая, отчаянная надежда Гитлера и его разбойничьего правительства уничтожена. Общий фронт и общее дело держав, являющихся союзниками в этой войне против тирании и бесчеловечности, были продемонстрированы в их действиях, как они уже давно были продемонстрированы в их решимости. Ничто не может разделить наши закаленные армии или ослабить их общее стремление победоносно идти вперед к осуществлению их целей, к окончательному торжеству союзников в Германии.

Во-вторых, соединение наших сил в этот момент показывает нам самим и всему миру, что сотрудничество наших народов в деле мира и свободы является эффективным сотрудничеством, которое может успешно преодолеть величайшие трудности самой крупной во всей военной истории кампании. Народы, которые могут вместе разрабатывать планы и вместе сражаться плечом к

плечу перед лицом таких препятствий, как расстояния, языковые различия и трудности коммуникаций, какие преодолели мы, могут вместе жить и могут сотрудничать в общем деле организации мира во всем мире.

Наконец, это великое торжество союзного оружия и союзной стратегии является таким воздаянием Франклину Рузвельту за мужество и решимость, которое нельзя выразить словами и которого можно было достичь только настойчивостью и мужеством сражающихся солдат и моряков союзных наций. Но, до тех пор пока наши враги окончательно не разбиты в Европе и на Тихом океане, в тылу не должны быть ослаблены усилия, направленные на поддержку наших героических солдат и моряков, так как мы все знаем, что на боевых фронтах не будет передышки».

Константин Симонов «Разные дни войны»:

«Встреча эта (с американцами), как теперь всем известно, состоялась 25 апреля на берегу Эльбы, недалеко от городка Торгау. Я вместе с Кривицким присутствовал при ней и при двух других, состоявшихся в следующие дни. Остались фотографии, снятые там, на Эльбе, вместе с нашими и американскими солдатами и офицерами, остались в ящике стола тогдашние сувениры — никелированные американские знаки различия, полученные в обмен на вытщенные из запасных погон офицерские звездочки, остался черновик коротенькой корреспонденции, отправленной оттуда, из-под Торгау, в «Красную звезду». В нем фамилии командиров первых соединявшихся дивизий: американской — генерала Рейнгарда, нашей — генерала Русакова; фамилии командиров американского и нашего патрулей — лейтенанта Робертсона и лейтенанта Сильвашко, — людей, первыми встретившихся там, на Эльбе, где между нами и американцами наконец не оказалось ни одного фашистского солдата».

Иван Степанович Конев, Маршал Советского Союза

«Сорок пятый» (Берлинская операция):

«Гитлеровцы готовили Берлин к прочной и жесткой обороне, рассчитанной на длительное время и построенной на системе сильного огня, опорных пунктов, узлов сопротивления. Чем ближе к центру города, тем оборона становилась плотнее. Массивные каменные постройки с большой толщиной стен приспособлялись к осадному положению. Окна и двери многих зданий заделывались; в них оставлялись лишь амбразуры для ведения огня.

Несколько укрепленных таким образом зданий образовывали узел сопротивления. Фланги прикрывались прочными баррикадами толщиной до четырех метров. Баррикады являлись одновременно мощными противотанковыми препятствиями. Для их сооружения использовались и дерево, и земля, и цемент, и железо. Особенно укреплялись угловые здания, позволявшие вести фланговый и косопрямельный огонь. Все это с точки зрения организации обороны было достаточно продумано. К тому же узлы обороны немцы насытили большим количеством фаустпатронов, которые в обстановке уличных боев оказались грозным противотанковым оружием.

В системе обороны врага немаловажное значение имели подземные сооружения, которых в городе насчитывалось больше чем достаточно. Бомбоубежища, тоннели метро, подземные коллекторы, водосточные канавы — вообще все виды подземных коммуникаций использовались и для маневра войск, позволяя перебрасывать группы под землей с одного места на другое, и для доставки боеприпасов на передовую.

Пользуясь подземными сооружениями, противник причинял нам чрезвычайно много неприятностей. Случалось, наши войска возьмут тот или другой узел сопротивления, и, казалось бы, все здесь кончено; а неприятель по подземным ходам выбрасывает в наши тылы свои разведывательные группы и отдельных диверсантов и снайперов. Такие группы автоматчиков, снайперов, гранатометчиков и фаустников, появлявшиеся через подземные коммуникации, вели огонь по автомашинам, танкам, орудийным расчетам, следовавшим по уже захваченным улицам, рвали линии связи и создавали напряженную обстановку позади нашего переднего края.

Бои в Берлине потребовали большого искусства от начальников, непосредственно организовывавших бой на своем участке. Прежде всего от командиров полков и батальонов: нашими штурмовыми группами чаще всего руководили именно они.

Продвижение советских войск затруднялось еще рядом обстоятельств. В Берлине, особенно в центральной его части, было много специальных железобетонных убежищ. Самые крупные из них представляли собой надземные железобетонные бункера, в которых мог помещаться крупный гарнизон от трехсот до тысячи солдат.

Отдельные бункера имели по шесть этажей, высота их доходила до тридцати шести метров, толщина покрытий колебалась от полутора до трех с половиной метров, а толщина стен, один-два с половиной метра, была практически недоступна для современных полевых систем артиллерии. На

площадках бункеров обычно находилось несколько зенитных орудий, работавших одновременно и против авиации, и против танков, и против пехоты.

Эти бункера являлись своеобразными крепостями, вписанными в систему обороны внутри города, и насчитывалось их по всему Берлину около четырехсот. В городе было также настроено много железобетонных колпаков полевого типа, где могли сидеть пулеметчики. Наши солдаты, ворвавшись на площадь или территорию того или иного завода, фабрики, сплошь и рядом сталкивались с огнем, который немцы вели из таких железобетонных колпаков. Берлин имел также много зенитной артиллерии; и в период уличных боев она сыграла особенно большую роль в противотанковой обороне. Если не считать фаустпатронов, то большинство потерь в танках и самоходках мы понесли в Берлине именно от зениток врага.

Во время Берлинской операции гитлеровцам удалось уничтожить и подбить восемьсот с лишним наших танков и самоходок. Причем основная часть этих потерь приходится на бои в самом городе.

Стремясь уменьшить потери от фаустпатронов, мы в ходе боев ввели простое, но очень эффективное средство — создали вокруг танков так называемую экранировку, навешивали поверх брони листы жести или листового железа. Фаустпатроны, попадая в танк, сначала пробивали это первое незначительное препятствие, но за этим препятствием была пустота, и патрон, натываясь на броню танка и уже потеряв свою реактивную силу, чаще всего рикошетирует, не нанося ущерба.

Почему эту экранировку применили так поздно? Видимо, потому, что практически не сталкивались с таким широким применением фаустпатронов в уличных боях, а в полевых условиях не особенно с ними считались.

Особенно обильно были снабжены фаустпатронами батальоны фольксштурма, в которых преобладали пожилые люди и подростки. Фаустпатрон — одно из тех средств, какие могут создать у физически не подготовленных и не обученных войне людей чувство психологической уверенности в том, что, лишь вчера став солдатами, они сегодня могут реально что-то сделать. И надо сказать, эти фаустники, как правило, дрались до конца и на этом последнем этапе проявляли значительно большую стойкость, чем выдавшие виды, но надломленные поражениями и многолетней усталостью немецкие солдаты.

Солдаты по-прежнему сдавались в плен только тогда, когда у них не было другого выхода. То же следует сказать и об офицерах. Но боевой порыв у них

уже погас. Оставалась лишь мрачная, безнадежная решимость драться до тех пор, пока не будет получен приказ о капитуляции.

А в рядах фольксштурма в дни решающих боев за Берлин господствовало настроение, которое я бы охарактеризовал как истерическое самопожертвование. Эти защитники третьей империи, в том числе совсем еще мальчишки, видели в себе олицетворение последней надежды на чудо, которое вопреки всему в самый последний момент должно произойти.

Распоряжения же Гитлера в этот период, все его усилия деблокировать Берлин, все отданные на этот предмет приказания — и Венку, и Буссе, и командующему 3-й армией, и Шернеру с его группой войск, и гросс-адмиралу Деницу, который по идее должен был прорваться к Берлину с морями, — все это при сложившемся соотношении сил не имело под собой реальной базы.

Но в то же время неправильно было бы рассматривать такие попытки как заведомый абсурд. Это мы своими действиями (и предшествовавшими, и теми, которые развертывались уже в ходе боев за Берлин) сделали их нереальными. Замыслы Гитлера не рухнули бы сами собой. Они могли рухнуть только в результате нашего вооруженного воздействия. Именно успехи советских войск, добытые в нелегких боях за Берлин, с каждым днем, с каждым часом все более обнажали иллюзорность последних надежд, планов и распоряжений Гитлера. При ином характере действий с нашей стороны эти приказы и планы могли бы оказаться не столь фантастическими. Об этом вовсе не следует забывать...

В восемнадцать часов 1 мая, после того как Геббельс и Борман отклонили наши требования о безоговорочной капитуляции, войскам обоих фронтов был отдан приказ продолжать штурм Берлина. В восемнадцать часов тридцать минут вся артиллерия советских войск, действовавших в Берлине, нанесла одновременный мощный огневой удар по немцам. После этого удара боевые действия не прекращались всю ночь на 2 мая.

Наши войска, пробиваясь навстречу друг другу через разрушенные кварталы Берлина, соединились в течение ночи в нескольких пунктах. Части 28-й армии Лучинского и 3-й танковой армии Рыбалко в районе станции Савиньи встретились с частями 2-й гвардейской танковой армии Богданова 1-го Белорусского фронта.

2 мая в два часа пятьдесят минут по московскому времени радиостанция 79-й гвардейской дивизии 8-й гвардейской армии 1-го Белорусского фронта приняла радиogramму от немцев на русском языке: «Алло, алло, говорит пятьдесят шестой танковый корпус. Просим прекратить огонь. К 12 часам 50 минутам ночи по берлинскому времени высылаем парламентеров на

Потсдамский мост. Оповестительный знак: белый флаг на фоне красного цвета. Ждем ответа».

На рассвете началась массовая капитуляция вражеских войск, а в шесть часов утра 2 мая перешел линию фронта и сдался в плен командующий обороной Берлина генерал Вейдлинг.

Весь день 2 мая в Берлине гитлеровцы целыми подразделениями и частями сдавались в плен. После того как весть о капитуляции дошла до всех немецких групп, которые еще продолжали обороняться, капитуляция приняла всеобщий характер, и к трем часам дня сопротивление Берлинского гарнизона прекратилось повсюду и полностью.

В этот день в районе Берлина было взято в плен сто тридцать четыре тысячи немецко-фашистских солдат и офицеров, из них тридцать четыре тысячи войсками 1-го Украинского фронта. Число пленных, попавших в руки советских войск после приказа о капитуляции, подтверждает наше предположение о том, что общая численность Берлинского гарнизона, видимо, значительно превышала двести тысяч человек.

Чтобы завершить повествование о действиях 1-го Украинского фронта во время Берлинской операции, приведу выписку из направленного мною в Ставку последнего по этой операции боевого донесения.

«Войска фронта сегодня, 2 мая 1945 года, после девятидневных уличных боев, полностью овладели юго-западными и центральными районами города Берлин (в пределах установленной для фронта разграничительной линии) и совместно с войсками Первого Белорусского фронта овладели городом Берлин».

Константин Мамедов, рядовой солдат, пехотинец, трижды кавалер солдатского ордена Славы:

«Немцы оборонялись жестоко. Во всяком случае, я на своем личном опыте могу сказать, так же как и все мы, солдаты нашей дивизии, что, по моему, эта жестокость боев с приближением к Берлину только нарастала. И нарастала непрерывно. Сопротивление было просто отчаянное. О немце, как о противнике, можно сказать, что это был сильнейший противник. Я думал над этим, — кто бы еще был в состоянии таким противником оказаться? И не могу найти хотя бы ближайшего сравнения. Это была вымуштрованная, владевшая боевой техникой военная машина, которой, пожалуй, не было, — да не пожалуй, а просто не было равной в мире...»

Вацис Реймерис «Рассказ воина»

*Мы шли и шли в атаки неустанно.
Берлин пылал. Дымился каждый дом.
А май свечами украшал каштаны
В разрытом парке, где катился гром.*

*Шел жаркий бой за каждый дом и выступ.
Валились башни в сломанных крестах.
Как жаждали мы ринуться на приступ,
Пробиться к центру, где горит рейхстаг!
И вот он перед нами. Рев орудий...
За боем бой... За дымом снова дым...
Мы лишь тогда вздохнули полной грудью,
Когда наш флаг увидели над ним.*

(1945, перевод с литовского И. Сельвинского)

Василий Субботин «Немногие знают...»:

«Немногие знают: после того как мы водрузили знамя на рейхстаге, бои в рейхстаге шли еще два дня и две ночи. Полторы тысячи немцев, уже в дни штурма Берлина переброшенные сюда с Балтики, засели в подвалах рейхстага. Они забрасывали нас фаустами. Этого сильного реактивного оружия в подвалах у них было много. Но когда стало ясно, что вернуть рейхстаг им не удастся, они подожгли его. А может, он и сам загорелся от тех же фаустпатронов.

Он горел так, как горит всякий дом, а гореть в рейхстаге было чему — горела мебель, краска стен, вспучивался и полыхал паркет; дым, а потом пламя показалось из окон, из пробоин. Горстка людей — около трехсот бойцов, лишь немногим больше! — сражалась в горящем здании.

Но не только в этом был драматизм положения. Утром первого мая — на тысяча четыреста десятый день войны — сводка Совинформбюро сообщила, что нашими войсками в центре Берлина взято здание германского рейхстага и водружено Знамя Победы. Об этом же было сказано Сталиным в его первомайском приказе.

В Париже, в Лондоне, в Нью-Йорке служили молебны. В эфире — стоило включить рацию — слышался колокольный звон... А в это время в горящем здании рейхстага, в тесном коридоре, прижатые огнем к стене, рукавами закрывая глаза, стояли наши бойцы. Комбату было передано, что он может

вывести людей. «Выйдите из рейхстага, займите круговую оборону, а как только здание прогорит, станете брать его снова».

Но выходить уже было некуда. Собравшиеся в одной узкой комнате, задыхавшиеся от дыма бойцы, натянув противогазы — у немногих они оказались, — лежали на полу. Пламя уже врывалось сюда. И что-то с треском рухнуло. Из провала в стене повалил желтоватый дым. Но это была, как они увидели, не новая опасность, это было — спасение...

И через этот неожиданный, вдруг открывшийся пролом бойцы перебрались в соседнее, уже выгоревшее помещение. Немцы не смогли добиться своего. А знамя не сгорело, все так же оставалось над рейхстагом, оно лишь слегка закоптилось.

Когда огонь начал понемногу стихать, все выходы из подвалов были опять заблокированы...

Наступило утро второго мая.

Эпилог

*Курганы щебня, горы кирпича.
Архивов важных драная бумага.
Горит пятно простого кумача
Над обнаженным куполом рейхстага.
В пыли дорог и золоте наград,
Мы у своей расхаживаем цели.
Фамилиями нашими пестрят
Продымленные стены цитадели.
А первый, флагом осененный тем,
Решил остаться неизвестным свету,
Как мужество, что мы явили всем,
Ему еще названья тоже нету.*

Георгий Константинович Жуков, Маршал Советского Союза

«Воспоминания и размышления»:

«Каждый шаг, каждый кусок земли, каждый камень здесь яснее всяких слов свидетельствовал, что на подступах к имперской канцелярии и рейхстагу, в самих этих зданиях борьба шла не на жизнь, а на смерть.

Рейхстаг — это громаднейшее здание, стены которого артиллерией средних калибров не пробьешь. Тут нужны были тяжелые калибры. Купол рейхстага и различные массивные верхние надстройки давали возможность врагу сосредоточить многослойный огонь на всех подступах. Условия для

борьбы в самом рейхстаге были очень тяжелые и сложные. Они требовали от бойцов не только мужества, но и мгновенной ориентировки, зоркой осторожности, быстрых перемещений от укрытия к укрытию и метких выстрелов по врагу. Со всеми этими задачами наши бойцы хорошо справились, но многие в тяжелых боях пали смертью храбрых.

Колонны при входе в рейхстаг и стены были испещрены надписями наших воинов. В лаконичных фразах, в простых росписях солдат, офицеров и генералов чувствовалась их гордость за советских людей, за Советские Вооруженные Силы, за Родину и ленинскую партию, за то, что, преодолев неимоверные трудности, они пришли в логово фашизма – в Берлин и в трудных сражениях одержали победу».

Николай Тихонов «Надписи на стенах рейхстага»

*Еще горячкой боя сердце билось,
А в мир уже вступила тишина,
Как будто время здесь остановилось,
Не веря вдруг, что кончилась война.*

*Под арками обугленного свода,
В какой-то первозданной тишине,
Солдаты величайшего похода
Расписывались прямо на стене.*

.....

*Открыто все свое писали имя,
Чтоб знали люди будущих времен,
Что подвиг сей, свершенный всеми ими,
Во имя человечества свершен!*

Иван Степанович Конев, Маршал Советского Союза

«Сорок пятый» (Пражская операция):

«Итак, 2 мая войска 1-го Белорусского и войска 1-го Украинского фронтов завершили ликвидацию берлинской группировки противника и взяли Берлин. Но война еще не кончилась. Войскам 1-го Белорусского фронта предстояло окончательное завершение Берлинской операции. Надо было очистить от врага всю территорию Германии к востоку от Эльбы. Войскам 1-го Украинского фронта, как это уже и предусматривалось ранее, была поставлена новая

задача: разгромить группу армий генерал-фельдмаршала Шернера и освободить Чехословакию...

Пражская операция отнюдь не носила символического характера, как это иногда пытаются изобразить на Западе. Нам предстояла серьезная борьба с большой группировкой вооруженных сил Германии.

Что касается наших союзников, то именно в это время Черчилль дал фельдмаршалу Монтгомери свое печально-знаменитое и теперь уже широко известное указание «тщательно собирать германское оружие и складывать так, чтобы его легче можно было снова раздать германским солдатам, с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжалось».

Говоря о своих настроениях тогда, весной 1945 года, Монтгомери писал впоследствии в мемуарах, что если бы верховное руководство военными операциями осуществлялось политическими лидерами Запада должным образом, то «мы могли бы захватить все эти три центра раньше русских». Под тремя центрами подразумевались Берлин, Вена и Прага.

Ход и результаты Берлинской и Пражской операций явились новым свидетельством зрелости советского военного искусства, высоких организаторских способностей наших командных кадров и боевого мастерства советских войск».

Георгий Константинович Жуков, Маршал Советского Союза

«Воспоминания и размышления»:

«7 мая мне в Берлин позвонил И. В. Сталин и сообщил:

– Сегодня в городе Реймсе немцы подписали акт безоговорочной капитуляции. Главную тяжесть войны, – продолжал он, – на своих плечах вынес советский народ, а не союзники, поэтому капитуляция должна быть подписана перед Верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции, а не только перед Верховным командованием союзных войск.

– Я не согласился и с тем, – продолжал И. В. Сталин, – что акт капитуляции подписан не в Берлине, центре фашистской агрессии. Мы договорились с союзниками считать подписание акта в Реймсе предварительным протоколом капитуляции. Завтра в Берлин придут представители немецкого главного командования и представители Верховного командования союзных войск. Представителем Верховного Главнокомандования советских войск назначаетесь вы».

Борис Горбатов «Капитуляция Германии»:

«Восьмого мая тысяча девятьсот сорок пятого года человечество вздохнуло свободно. Гитлеровская Германия поставлена на колени. Война окончена. Победа. Что может быть сильнее, проще и человечнее этих слов! Шли к этому дню долгой дорогой. Дорогой борьбы, крови и побед. Мы ничего не жалели.

И вот он, вот этот день. Берлин в дымке, солнце над Темпельхофским аэродромом и высокое небо над головою – ждем появления самолетов в нем. Амфитеатром расположился огромный аэропорт. Его ангары разбомблены, здания сожжены. На бетонированном поле еще валяются разбитые «юнкерсы», под ногами – холодные, мертвые осколки бомб. Это поле – поле боя. Оно, как весь наш путь, – путь боев и побед. Сегодня оно будет полем встречи с друзьями и союзниками для того, чтобы вместе продиктовать свою волю побежденному врагу...

Ровно в двенадцать часов пятьдесят минут один за другим стремительно, красиво, словно линия, поднимаются в небо наши истребители. Они делают круг над аэродромом и уходят на запад, навстречу самолетам союзников. Спустя полчаса с аэродрома в городе Штендаль поднимаются пять «дугласов» и берут курс на восток. Почетным эскортом сопровождают их наши истребители. Два из них впереди.

В 14 часов на Темпельхофский аэродром в Берлине прибывают представители командования Красной Армии во главе с генералом армии Соколовским. Затем в небе появляются «дугласы» с американскими и английскими опознавательными знаками. Самолеты слетаются и вот уже бегут по бетонной дороге.

Из самолетов выходят глава делегации верховного командования экспедиционных сил союзников главный маршал авиации сэр Артур В. Теддер, за ним генерал Карл Спаатс, адмирал сэр Гарольд Бэрроу, офицеры английской и американской армии и флота, корреспонденты газет и кинооператоры.

Генерал армии Соколовский здоровается с главой делегации и представляет ему начальника гарнизона и коменданта Берлина, генерал-полковника Берзарина, генерал-лейтенанта Бокова. Американские и английские генералы и офицеры сердечно пожимают руки советских генералов и офицеров. Крепкое рукопожатие. Встреча союзников и победителей.

Из другого самолета выходят представители гитлеровского командования во главе с генерал-фельдмаршалом Кейтелем. Они идут молча и хмуро. Они в своих генеральских мундирах, при орденах и крестах. Высокий

худой Кейтель изредка поворачивает голову в сторону – там, в дымке, Берлин. Они проходят к машинам, ожидающим их. Сев в машину, фельдмаршал Кейтель тотчас же раскрыл папку и стал читать какой-то документ.

А по бетонным дорожкам аэропорта, мимо молодцеватого почетного караула советских воинов, идут победители – советские, американские, английские генералы и офицеры. Развешаются флаги союзных держав. Оркестр играет гимны. Церемониальным маршем, крепко вколачивая шаги в бетон, проходят русские воины. До чего же солнечно сейчас на душе у каждого!

Все чувствуют величие момента. Каждый понимает, что присутствует при акте, определяющем судьбу поколений. Глава делегации верховного командования экспедиционных сил союзников главный маршал авиации сэр Артур Теддер произносит перед микрофоном речь:

– Я являюсь представителем верховного главнокомандующего Эйзенхауэра. Он уполномочил меня работать на предстоящей конференции. Я очень рад приветствовать советских маршалов и генералов, а также войска Красной Армии. Особенно рад, потому что я приветствую их в Берлине. Союзники на западе и востоке в результате блестящего сотрудничества проделали колоссальную работу. Мне оказана большая честь передать самое теплое приветствие с Запада - Востоку.

Начальник почетного караула полковник Лебедев сообщает эти слова воинам караула и провозглашает:

– За нашу победу – «ура»!

Могучее «ура» победителей гремит в поверженном Берлине.

Затем члены делегаций и все присутствующие на аэродроме отправляются в Карлсхорст – пригород Берлина, где должен быть подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Путь лежит через весь Берлин – через разрушенный, побежденный Берлин, через Берлин, штурмом взятый нашими войсками.

Поток машин несется по улицам германской столицы. Дорога расчищена, но на тротуарах лежат груды битого кирпича и мусора. Развалины – следы работы союзных летчиков и советских артиллеристов. Победители едут по Берлину. На перекрестках молча стоят жители города. Победители мчатся по Берлину, и вслед за ними следуют побежденные гитлеровские генералы, принесшие капитуляцию. О чем думают они сейчас, проезжая по улицам Берлина? Вспоминают ли плац-парады или последние дни крушения? Они посеяли ветер и теперь пожинают бурю».

Георгий Константинович Жуков, Маршал Советского Союза

«Воспоминания и размышления»:

«По словам наших офицеров, Кейтель и другие члены немецкой делегации очень нервничали. Обращаясь к окружающим, Кейтель сказал:

– Проезжая по улицам Берлина, я был крайне потрясен степенью его разрушения.

Кто-то из наших офицеров ему ответил:

– Господин фельдмаршал, а вы не были потрясены, когда по вашему приказу стирались с лица земли тысячи советских городов и сел, под обломками которых были задавлены миллионы наших людей, в том числе многие тысячи детей?

Кейтель побледнел, нервно пожал плечами и ничего не ответил».

Борис Горбатов «Капитуляция Германии»:

«Машины проходят под воздвигнутой нашими бойцами аркой победы. Над ней гордо развеваются три флага и надпись: «Красной Армии – слава!» Поток машин проносится под аркой. Мелькают улицы, развалины, люди.

Вот, наконец, Карлсхорст. Карлсхорст – этот берлинский пригород – сегодня на наших глазах вошел в историю. Здесь могила гитлеровской Германии, здесь конец войне. Все здесь принадлежит истории. И это здание бывшего немецкого военно-инженерного училища, в котором состоялось подписание акта капитуляции. И этот зал офицерской столовой, эти четыре флага на стене – советский, американский, английский и французский – символ боевого сотрудничества. И эти столы, покрытые серо-зеленым сукном, и все минуты этого короткого, но преисполненного глубокого волнения и смысла заседания – все это принадлежит истории. Хочется запечатлеть каждую минуту.

В зал входят Маршал Советского Союза Жуков, главный маршал британской авиации сэр Артур В. Теддер, генерал Спаатс, адмирал сэр Гарольд Бэрроу, генерал Делатр де Тассиньи и члены советской, американской, английской и французской делегаций.

Историческое заседание начинается. Оно очень недолго продолжалось. Немного людей присутствует в зале, немного слов произносится. Но за этими словами – долгие годы войны. Маршал Жуков на русском языке, а затем главный маршал авиации Теддер объявляют, что для принятия условий безоговорочной капитуляции пришли уполномоченные германского верховного командования.

– Пригласите сюда представителей германского верховного командования, – говорит маршал Жуков дежурному офицеру.

В зал входят немецкие генералы. Впереди идет генерал-фельдмаршал Кейтель. Он идет, стараясь сохранить достоинство и даже гордость. Поднимает перед собой свой фельдмаршальский жезл и тут же опускает его. Он хочет быть картинным в своем позоре, но дрожащие пятна проступают на его лице. Здесь, в Берлине, сегодня его последний «плац-парад». Вслед за ним входят генерал-адмирал фон Фридебург и генерал-полковник Штумпф. Они садятся за отведенный им в стороне стол. Сзади их адъютанты.

Маршал Жуков и главный маршал авиации Теддер объявляют:

– Сейчас предстоит подписание акта о безоговорочной капитуляции.

Немцам переводят эти слова. Кейтель кивает головой:

– Да, да, капитуляция.

Имеют ли они полномочия немецкого верховного командования для подписания акта капитуляции?

Кейтель предъявил полномочия. Документ подписан гроссадмиралом Деницем, уполномочивающим генерал-фельдмаршала Кейтеля подписать акт безусловной капитуляции.

- Имеют ли они на руках акт капитуляции, познакомились ли с ним, согласны ли его подписать? – спрашивают маршал Жуков и маршал Теддер.

О капитуляции, только о капитуляции – полной, безоговорочной, безусловной, идет речь в этом зале сегодня.

– Да, согласны, – отвечает Кейтель.

Он разворачивает папку с документами, вставляет монокль в глаз, берет перо и собирается подписать акт. Его останавливает маршал Жуков.

– Я предлагаю представителям главного немецкого командования, – медленно произносит маршал Жуков, – подойти сюда к столу и здесь подписать акт.

Он показывает рукой, куда надо подойти фельдмаршалу.

Кейтель встает и идет к столу. На его лице багровые пятна. Но его глаза слезятся. Он садится за стол и подписывает акт о капитуляции. Кейтель подписывает все экземпляры акта. Это длится несколько минут. Все молчат, только трещат киноаппараты. В этом зале сейчас нет равнодушных людей, нет равнодушных и во всем человечестве и тем более – в Советском Союзе. Это на нас обрушилась войной гитлеровская военная машина. Наши города жгли, наши поля топтали, наших людей убивали, у наших детей хотели украсть будущее.

Сейчас в этом зале гитлеровцев поставили на колени. Это победитель диктует свою волю побежденному. Это человечество разоружает зверя.

Фельдмаршал Кейтель подписал капитуляцию. Он встает, обводит взглядом зал. Ему нечего сказать, он ничего и не ждет. Он вдруг улыбается жалким подобием улыбки, вынимает монокль и возвращается к своему месту за столом немецкой делегации. Но прежде чем сесть, он снова вытягивает перед собой свой фельдмаршальский жезл, затем кладет его на стол. Акт о капитуляции подписывают генерал-адмирал фон Фридебург, генерал-полковник Штумпф.

Все это происходит молча, без слов. Слов уже не надо. Все нужные слова сказали Красная Армия и армии наших союзников. Теперь это только безусловная, безоговорочная капитуляция. Больше от гитлеровцев ничего не требуется. Немецкие уполномоченные молча подписывают акт. Затем акт подписывают маршал Жуков и главный маршал авиации сэр Артур Теддер. Вот подписывают акт также свидетели – генерал Спаатс и представитель французской делегации генерал Делатр де Тассиньи.

– Члены немецкой делегации могут покинуть зал.

Немецкие генералы встают и уходят из зала – из истории. Все присутствующие на этом историческом заседании радостно поздравляют друг друга с победой. Война окончена. Маршал Советского Союза Жуков жмет руку маршалу английской авиации Теддеру, генералу американской армии Спаатсу и другим генералам.

Победа! Сегодня человечество может свободно вздохнуть. Сегодня пушки не стреляют».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Венок славы: Антология художественных произведений о Великой Отечественной войне в 12-ти т. Т. 11. Победа. – Москва : Современник, 1986. – 638 с. – Текст: непосредственный.
- «Вчера мы видели бандитов, кровопийц...» «Марш побежденных» глазами архивистов, историков и писателей // Родина. – 2019. – № 7. – С. 38-41. – Текст: непосредственный.
- Жуков, Г.К. Воспоминания и размышления / Г.К. Жуков. – Москва : АПН, 1970. – 730 с. – Текст: непосредственный.
- Конев, И.С. Сорок пятый. Издание 2-е, исправленное и дополненное / И.С. Конев. — Москва : Воениздат, 1970. — 288 с. — Текст: непосредственный.
- От Советского Информбюро... 1941-1945. Публицистика и очерки военных лет. Тома 1-2. Т. 2. — Москва : АПН, 1982. — 480 с. — Текст: непосредственный.
- Покрышкин, А.И. Познать себя в бою. / А.И. Покрышкин. — Москва : ДОСААФ, 1986. - 306с. – Текст: непосредственный.
- Симонов, К.М. Разные дни войны. Дневник писателя / К.М. Симонов. — Москва : Художественная литература, 1982, Т. 2. — 688 с. – Текст : непосредственный. – Текст: непосредственный.
- Славин, Л.И. 57640 пленных немцев / Л.И. Славин // Родина. – 2019. – №7. – С. 44-45. – Текст: непосредственный.
- Стихи о любимом городе: книга четвертая. Сборник стихотворений новосибирских авторов. – Новосибирск: СП «Наука», 2003. – 96 с. – Текст: непосредственный.
- Вин, В. Парад Победы в 45-м / В.Вин // Стихи.ру. – 2015. – URL: <https://www.stihi.ru/2015/03/28/6350> (дата обращения 02.08.2019). – Текст: электронный.
- Хроника // Музей Новосибирска. – 2019. – URL: <http://m-nsk.ru/istoriya-goroda/istoriya-razvitiya/> (дата обращения 10.08.2019). – Текст: электронный.